Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 71–78
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):71–78
Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 340.5
EDN VAFQSC

Правовой статус немусульманского населения в Османской империи периода зарождения миллетной системы

Иван Вячеславович Федосов[1, 2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия, fedosov-iv@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0005-7687-0760, SPIN-код: 7705-0138 AuthorID: 932032

[2]Институт востоковедения и африканистики Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу правового статуса немусульманского населения на территории Османской империи времен учреждения миллетной системы и первого этапа ее существования. Автором анализируются нормы мусульманского права в части регламентации жизни иноверческого населения в рамках исламской юрисдикции, а также, с учетом исторического и историко-правового материала, освещается вопрос соотношения доктрины исламского права в части регулирования жизни иноконфессиональных общин и применявшихся османскими властями управленческих практик. Показывается роль, которую сыграла миллетная система в формировании структуры османского общества.

Цель. Публикация ставит своей целью освещение, во-первых, роли учреждения миллетной системы в формировании специфических социально-политических условий существования и развития гетерогенного османского социума; во-вторых, значения социальных условий оттоманского общества в развитии правовой системы Порты, в том числе в части регламентации жизни иноверческих общин – миллетов.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил системный анализ научной литературы и источников по соответствующей тематике на русском, английском, новогреческом и турецком языках.

Результаты. Показано авторское видение проблемы формирования домодерной социальной структуры османского общества на основе правового разделения социума на автономные и мало взаимодействовавшие друг с другом сегменты – миллеты. Автором также показывается и объясняется роль доктрины исламского права в части формирования специфической османской социально-политической реальности.

Выводы. Миллетная система Османской империи, представлявшая собой на момент создания эффективно функционировавшую социальную структуру всего османского общества, с течением времени оказалась слишком костной и мало подверженной реформированию, что негативно сказалось на попытках танзиматистов провести преобразования и «модернизировать» старое здание Порты. Это стало одной из причин крушения османской государственности. Мусульманское право как самостоятельная правовая система, действовавшая на территории Османской империи в сочетании со светским султанским правом – канунами, внесло значительный вклад на этапе формирования миллетной системы и ее структурного оформления, однако это же и послужило причиной постепенного закоснения социальной структуры османского общества и последовавшей стагнации.

© Федосов И. В., 2025

Ключевые слова: мусульманское право, ислам, Османская империя, Оттоманская Порта, миллет, миллетная система, право личного статуса, шариат, фикх, немусульманское население

Для цитирования: Федосов И. В. Правовой статус немусульманского населения в Османской империи периода зарождения миллетной системы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 71–78. EDN VAFQSC

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The legal status of the non-Muslim population in the Ottoman Empire during the early millet system stage

Ivan V. Fedosov[1, 2]

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia, fedosov-iv@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0005-7687-0760, SPIN-код: 7705-0138 AuthorID: 932032

[2]Institute of Oriental and African Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russia

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the legal status of the non-Muslim population in the territory of the Ottoman Empire during the establishment of the millet system and the first stage of its existence. The author analyzes the norms of Muslim law in terms of regulating the life of the non-Muslim population within the framework of Islamic jurisdiction, and, taking into account historical and historical-legal material, sheds light on the issue of the relationship between the doctrine of Islamic law in terms of regulating the life of non-Muslim communities and the administrative practices used by the Ottoman authorities. The role played by the millet system in shaping the structure of Ottoman society is shown.

Purpose. The publication aims to highlight, firstly, the role of the institution of the millet system in the formation of specific socio-political conditions of existence and development of the heterogeneous Ottoman society; secondly, the significance of the social conditions of the Ottoman society in the development of the legal system of the Porte, including in terms of regulating the life of non-Muslim communities - millets.

Materials and methods. The methodological basis of the study was a systematic analysis of scientific literature and sources on the relevant topic in Russian, English, Turkish and Greek.

Results. The author's vision of the problem of the formation of the pre-modern social structure of the Ottoman society is shown on the basis of the legal division of society into autonomous and little interacting with each other segments - millets. The author also shows and explains the role of the doctrine of Islamic law in the formation of the specific Ottoman socio-political reality.

Conclusions. The millet system of the Ottoman Empire, which at the time of its creation represented an effectively functioning social structure of the entire Ottoman society, over time turned out to be too ossified and little susceptible to reform, which negatively affected the attempts of the Tanzimatists to carry out transformations and modernize the old building of the Porte. This became one of the reasons for the collapse of the Ottoman state. Muslim law as an independent legal system, which operated in the territory of the Ottoman Empire in combination with the secular sultanic law – the kanuns, made a significant contribution at the stage of the formation of the millet system and its structural design, but this also served as the reason for the gradual ossification of the social structure of Ottoman society and the subsequent stagnation.

Keywords: Muslim law, Islam, Ottoman Empire, Ottoman Porte, millet, millet system, law of personal status, sharia, fiqh, non-Muslim population

For citation: Fedosov I. V. The legal status of the non-Muslim population in the Ottoman Empire during the early millet system stage. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):71–78. (In Russ.). EDN VAFQSC

Введение

Статья ставит своей целью освещение, во-первых, роли учреждения миллетной системы в формировании специфических социально-политических условий существования и развития гетерогенного османского социума; во-вторых, значения социальных условий оттоманского общества в развитии правовой системы Порты, в том числе в части регламентации жизни иноверческих общин.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил системный анализ научной литературы и источников по соответствующей тематике на русском, английском, турецком и новогреческом языках.

Результаты и обсуждение

История заселения, колонизации и завоевания Малой Азии тюркскими племенами берет свое начало примерно с X века. Поначалу носившее бессистемный и спорадический характер, расселение тюрков по Анатолии усилилось после 1071 года, когда ромейская (византийская) армия под командованием императора Романа IV Диогена потерпела поражение в битве при Манцикерте (Маназкирте), что, как отмечали позднейшие историки, стало приговором для власти Константинополя в регионе и открыло путь для дальнейшей тюркской территориальной экспансии.

Восток, а затем и центр Малой Азии в разное время с конца XI до середины XIV веков входили в состав различных государственных образований, преимущественно тюркских, таких как Сельджукский султанат, Иконийский султанат, Султанат Рум и прочие. Общая тенденция заключалась в постепенном вытеснении с этих территорий восточно-римской (византийской) администрации и подчинении местных жителей, в основном христиан, власти завоевателей, к тому моменту уже давно отказавшихся от старого тюркского язычества кочевых времен в пользу ислама, который, ко всему прочему, давал тюркам мощное идейное обоснование для продолжения завоевательных походов. С момента принятия ислама тюркские племена не только приобретали потенциальную «идеологическую» базу для политического объединения (религиозный фактор), но покоряли новые земли теперь уже как распространители «истинной веры» и «праведные воины».

К примеру, Орхан I, второй из числа правителей Османского бейлика (княжества), за успехи в деле расширения «дар-аль-ислам» (земли мусульман) стал именоваться не иначе как Орхан Гази (османск. أورخان غازي, тур. Orhan Gazi), то есть мусульманский воитель, ведущий газават (джихад) – священную войну[1]. Таким образом официально оправдывались завоевательные походы и привлекались добровольцы, рассчитывавшие не только материально обогатиться за счет побежденного врага, но и заслужить славу хороших мусульман: «Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, которые не считают запретным то, что запретили Аллах и Его посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными» [3, 9:29]. Подобное было тем более удобно и привлекательно для всех желающих поспособствовать расширению дар-аль-ислам, поскольку мусульманская религия предписывает своим последователям в первую очередь устанавливать на покоренных территориях режим своего военно-политического доминирования, не ограничиваясь ведением мирной проповеди среди иноверцев.

С начала XIII в. среди мелких тюркских княжеств Малой Азии постепенно ведущую роль захватывает бейлик Османа, вождя племени, по имени которого впоследствии стали именовать и народ, и позднее возникшее крупное государство. Турки-османы подчинили своей власти окрестные княжества и почти всю северо-западную Анатолию, а в 1326 г. под руководством ранее упомянутого Орхана после десятилетней осады захватили крупный византийский город Прусу (Бурсу), куда вскоре была перенесена столица бейлика. В 1331 г. пала

[1] См., напр.: [1–2].

Никея (Изник), в 1337 г. – Никомедия (Измит). С середины XIV века турки-османы начинают совершать последовательные завоевательные походы в Европу – Восточную Фракию, пока еще находившуюся под властью ромеев.

На покоренных землях завоеватели составляли численное меньшинство и поначалу не пытались вести активную прозелитическую деятельность, направленную на массовое обращение в ислам автохтонов – эллиноязычных ромеев. Османы, как когда-то и арабы времен создания Халифата, ограничивались установлением своего военно-политического господства, поскольку того требует ислам. Кроме того, подобный статус-кво полностью соответствовал практическим нуждам новых хозяев территорий, поскольку немусульмане обкладывались специальными налогами, именуемыми «джизья» и «харадж» (от 1/8 до 1/3 урожая). Налог джизья уплачивался каждым взрослым дееспособным мужчиной-иноверцем (в основном это были христиане). Наряду с прибылью от завоевательных походов налоги с немусульман служили важным фактором пополнения османской казны.

Правовой статус иноверцев, именуемых арабским термином «зимми», определялся положениями мусульманского права и существенно отличался в сторону ограничения по сравнению с правами и обязанностями последователей ислама: свидетельские показания зимми не могли быть приняты к рассмотрению шариатским судом; зимми не могли строить культовые сооружения (церкви, синагоги и молельные дома) выше и крупнее мечетей; христианам запрещалось созывать единоверцев на молитву колокольным звоном; зимми не могли носить тюрбаны и одежду, сделанную из тех же материалов, что использовали мусульмане; полностью запретным для зимми был зеленый цвет – «цвет ислама», дозволенный к ношению лишь мусульманам; зимми не имели права участвовать в военных походах, ездить верхом и вообще носить при себе оружие. Согласно исламскому праву, браки между мужчиной-зимми и женщиной-мусульманкой строжайше запрещались, в то время как обратная ситуация (брак между мусульманином и немусульманкой) не только не воспрещалась, но и поощрялась, поскольку, во-первых, по естественным причинам способствовала сокращению числа немусульман, и во-вторых, символически еще раз обозначала господствовавшее положение ислама.

Затрагивая вопрос о запрете езды верхом и ношения оружия немусульманами, следует упомянуть замечание итальянского исследователя Ф. Кардини, изучавшего становление классического западноевропейского феодального общества и отмечавшего схожие тенденции в этической оценке обладания человеком конем и мечом несколькими веками ранее на христианском Западе: «Тождество «безоружный – несвободный» утверждалось как в социальной, так и этической сфере. Прислуживать, раболепствовать, не иметь чувства собственного достоинства, жить в бесчестье, быть малодушным и подличать – все это означало одно: не быть свободным» [4, с. 306]. Для немусульман невозможность официального обладания оружием не только делала их беззащитными перед произволом мусульманского населения и султанских чиновников, но также было глубоко символичным, означая социальное неравенство и подчиненное положение по отношению к лицам, исповедовавшим ислам.

Касаясь затронутого выше вопроса о браке, необходимо вспомнить содержание 221 аята суры «аль-Бакара»: «Не женитесь на язычницах, пока они не уверуют. Безусловно, верующая невольница лучше язычницы, даже если она понравилась вам. Не выдавайте мусульманок замуж за язычников, пока они не уверуют. Безусловно, верующий невольник лучше язычника, даже если он понравился вам. Они зовут к Огню, а Аллах зовет к Раю и прощению со Своего соизволения. Он разъясняет людям Свои знамения, – быть может, они помянут назидание» [3, 2:221]. Подобный подход может быть объяснен фактом происхождения многих мусульманских религиозных норм из обычно-правовых практик (урфов) доисламских арабов Хиджаза. Родоплеменная общинная психология бедуинского племени в новых реалиях уммы поощряла экзогамные браки для мужчин и предписывала брачную эндогамию для женщин. Одной из важнейших задач родоплеменной общины являлось сохранение внутри общины «своих» женщин и получение «чужих» женщин из других общин. Это свидетельствовало о силе данного конкретного племени и слабости других племен, вынужденных

выдавать женщин замуж за представителей другой общины. Именно поэтому племенная психология, нашедшая отражения в исламе, запрещает браки между мусульманками и немусульманами, что означало бы «ослабление» уммы, в то время как переход из мусульманской веры в лоно иной конфессии, согласно исламскому праву, запрещен. Таким образом, мусульманское право способствовало усилению и численному росту уммы за счет женщин из других религиозных общин [5], в то же время препятствуя выбытию женщин из мусульманской общины. Как уже отмечалось ранее, турки-османы на занятых территориях применяли к подвластному неисламскому населению в общем те же практики, что и несколько веков ранее арабы, создававшие Арабский Халифат.

В 1453 г. Мехмед II Фатих взял Константинополь, в 1456 г. покорил Морею, в 1461 г. – присоединил последний осколок Романии (Византии), Трапезундскую империю на Понте. С этого момента он, с точки зрения логики того времени, смог претендовать на наследие Восточной Римской империи и официально стал именовать себя «римским кесарем» (османск. قيصر روم, тур. Kayser-i Rum), то есть буквально императором Римской империи – захваченной им Византии[1]. Христианское население, оказавшееся под властью османов, продолжало именовать себя ромеями (греч. Ῥωμαῖοι), то есть гражданами Римской империи. В 1461 г. Мехмед создал миллетную систему, официально просуществовавшую до самого конца существования Оттоманской Порты.

Миллетная структура – это система автономных религиозных общин, деливших османское общество середины XV века на различные сегменты по конфессиональному признаку[2]. Миллет (тур. millet, от араб. ملة) – изначально арабский юридический термин, обозначающий какую-либо конфессию и, как следствие, определенную правовую автономию[3], поскольку исламское право исходит из того, что религиозная принадлежность является неотъемлемой и определяющей частью правового статуса личности[4]. Необходимо отметить, что упоминаемая «правовая автономия» подразумевалась исключительно в рамках полного доминирования мусульман в общественной жизни и под сенью мусульманского правопорядка, занимавшего безусловно господствовавшее положение и фундировавшего все политико-правовое здание империи: миллеты мыслились именно сегментами единой, хотя и гетерогенной (на современный взгляд) структуры управления подвластным населением. Исламский закон распространялся на все население дар-аль-ислам (в данном случае Порты), на мусульман и немусульман, лишь давая последним частичную автономию в ограниченном спектре юридических и культовых вопросов.

Первоначально для немусульман было учреждено три миллета: греко-православный (для христиан-ортодоксов); армяно-григорианский (для паствы армянского католикоса); иудейско-эспаньольский (для евреев-сефардов) [9, с. 437]. Также существовал один «мусульманский миллет», именовавшийся умметом (от слова «умма»); он занимал господствующее положение и его главой считался сам османский султан. Греко-православный миллет [10] возглавил первый Константинопольский (Вселенский) Патриарх времен туркократии (захвата османами Византии) Геннадий Схоларий, согласно преданию, получивший знаки патриаршего достоинства лично из рук султана [11], таким образом стремившегося подчеркнуть преемственность своей власти от прежних ромейских василевсов (императоров). Армяно-григорианским миллетом стал управлять католикос Армянской Апостольской Церкви, а иудейско-эспаньольским – хахам-баши, то есть главный раввин. Резиденции всех трех миллетов были учреждены в столице – Константинополе[5].

---

[1] См., напр.: [6].

[2] См., напр.: [7].

[3] См., напр.: [8].

[4] В современном турецком языке термин «millet» используется, как правило, в значении «политическая нация». (Прим. автора).

[5] Резиденция Вселенского Патриарха и до учреждения миллетной системы располагалась в константинопольском районе Фанар; престол Константинопольской Патриархии находится там по сей день. (Прим. автора).

Положения исламского права в отношении немусульман не подвергались Мехмедом сомнению, они скорее упорядочивались [12]. Члены миллетов по-прежнему обладали ограниченным набором прав и обязанностей в сравнении с мусульманами и, к примеру, не могли поступать на государственную службу[1]. Миллетная система примечательна тем, что с момента ее учреждения главы духовных иерархий – Вселенский Патриарх, католикос и главный раввин – становились носителями не только чисто религиозного авторитета по отношению к своей пастве, но и приобретали над ними действительную политическую власть. Теперь они лично отвечали перед султаном за благонадежность и политическую лояльность членов своих миллетов. Именно через глав миллетов и их администрацию султанский двор собирал налоги с немусульман и вообще осуществлял какие-либо контакты со своими неисламскими подданными. Миллеты ведали духовными делами и актами гражданского состояния, становясь посредниками между своими членами и Высокой Портой[2]. С юридической точки зрения, положение немусульманских миллетов Османской империи в целом оставалось неизменным вплоть до начала эпохи Танзимата, когда система подверглась существенной реорганизации[3].

Заключение

Миллетная система Османской державы, представлявшая собой на момент создания в середине XV века эффективно функционировавшую социальную структуру всего османского общества – социума домодерной империи, с течением времени оказалась слишком костной и мало подверженной реформированию, что негативно сказалось на попытках танзиматистов провести преобразования и «модернизировать» [15, с. 17] старое здание Порты. И хотя в течение всего XIX столетия османский истеблишмент предпринимал попытки – в том числе законотворческие [16, с. 417] – по обновлению политико-правовой структуры Османской империи, они не увенчались тем успехом, на который рассчитывали реформаторы. Это стало одной из причин крушения османской государственности.

Список источников

1. Зеленев Е. И., Илюшина М. Теория джихада и ее эволюция в доосманский период // Caucaso-Caspica : Труды Института востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван, 12–17 сентября 2019 года / Под редакцией Гарника Асатряна. Том IV. – Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. – С. 1–12. – EDN KNMCBU.

2. Зеленев Е. И. Развитие концепции джихада: минимализм и максимализм в исламе / Е. И. Зеленев, Л. М. Исаев // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – № 4(95). – С. 111-131. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-111-131

3. Коран. Часть I: репр. изд. / пер. с араб. Г.С. Саблукова. М.: Ингрия, 1990.

4. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства: Пер. с ит./ Вступ. ст. В. И. Уколовой. Общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельниковой. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.

5. Rapoport Y. Marriage, Money and Divorce in Medieval Islamic Society / Yossef Rapoport. – New York: Cambridge University Press, 2005. – 155 p.

6. Фадеева И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и Новое время. Издание второе. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 285 с.

7. Федосов И. В. Зарождение миллетной системы в Османской империи: правовой плюрализм в условиях гетерогенного общества / И. В. Федосов // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 11(187). – С. 335-340. DOI: 10.24158/tipor.2023.11.44

[1] Исключение было сделано только для некоторых членов греко-православного миллета, согласившихся исполнять обязанности придворных переводчиков и/или поступивших на дипломатическую службу султана, поскольку языком османской дипломатии долгое время оставался греческий. (Прим. автора)

[2] Подобное положение дел некоторые исследователи именуют «сегментом изоляции»: [13].

[3] См., напр.: [14].

8. Орешкова С. Ф. Османская имперская государственность и её вассальные территории // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. 608 с. – С. 544 – 550. – EDN SITCAR.

9. Орешкова С. Ф. Османская система религиозных обществ и ее роль в создании имперской структуры и судьбах нетурецких народов империи // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2010. – 480 с. – С. 436 – 446. – EDN PUNQPP.

10. Νανάκης Α. Το Οικουμενικό Πατριαρχείο στην Ύστερη Οθωμανική Αυτοκρατορία: Από τό Γένος και Έθναρχία στό Έθνος / Άνδρέας Νανάκης, Μητροπολίτης Άρκαλοχωρίου, Καστελλίου καί Βιάννου, Καθηγητής Θεολογικής Σχολής Θεσσαλονίκης. — Θεσσαλονίκη, Ελλάδα: Εκδόσεις Μπαρμπουνάκη, 2013. – 428 σ.

11. Cavarnos, C. The Ecumenical Patriarchate and the Question of Greek-Turkish Relations Through the Centuries / Constantine Cavarnos. – Etna, California. Center for Traditionalist Orthodox Studies. – 2010. – 98 p.

12. Υφαντίδης Ε. Οικουμενικό Πατριαρχείο και Πολιτικές Δυνάμεις: από τη Συνδιάσκεψη της Εκλογή του Πατριάρχη Βασίλειου Γ' / Αρχμ. Ευάγγελος Στ. Υφαντίδης. – Καβάλα, Ελλάδα – Βενετία, Ιταλία: Πατριαρχικόν Ίδρυμα Πατερικών Μελετών, 2014. – 512 σ.

13. Варьяш И. И. Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. – СПб: ЕВРАЗИЯ, 2016. – 390 с.

14. Федосов И. В. Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 4. – С. 44-49. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-4-44-49

15. Inalcık U. Tanzimat ve Bulgar Meselesi. Ankara. 1943. 194 s..

16. Yıldırımer Ş. Mecelle'ye yöneltilen tenkitler ve bu tenkitlerin degerlendirmesi (Критика Маджаллы и ее анализ) // C.Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi 2012, Cilt:XVI, Sayı:2. Sayfa: 417-445.

References

1. Zelenev E. I., Ilyushina M. The Theory of Jihad and its Evolution in the Pre-Ottoman Period / E. Zelenev. In: *Caucaso-Caspica: Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University,* Yerevan, September 12-17, 2019 / Edited by Garnik Asatryan. Volume issue IV. Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) University; 2019. Pp. 1-12. EDN KNMCBU. (In Russ.)

2. Zelenev E. I., Isaev L. M. Development of the Concept of Jihad: Minimalism and Maximalism in Islam. *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics).* 2019; 4(95):111–131. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-111-131. (In Russ.)

3. *The Holy Quran.* Part I: repr. ed. / trans. from Arabic by G.S. Sablukov. Moscow: Ingria, 1990. (In Russ.)

4. Cardini F. *The Origins of Medieval Chivalry:* Trans. from Italian / Introduction by V. I. Ukolova. General ed. by V. I. Ukolova and L. A. Kotelnikova. – Moscow: Progress; 1987. 384 p. (In Russ.)

5. Rapoport Y. *Marriage, Money and Divorce in Medieval Islamic Society*. – New York: Cambridge University Press; 2005. – 155 p.

6. Fadeeva I. L. *The Concept of Power in the Middle East. Middle Ages and Modern Times.* Second Edition. – Moscow: Publishing Firm "Eastern Literature" of the Russian Academy of Sciences; 2001. – 285 p. (In Russ.)

7. Fedosov I. V. The Emergence of the Millet System in the Ottoman Empire: Legal Pluralism in a Heterogeneous Society. *Theory and Practice of Social Development.* 2023;11(187:335–340. DOI: 10.24158/tipor.2023.11.44. (In Russ.)

8. Oreshkova S. F. Ottoman imperial statehood and its vassal territories. In: *State, society, international relations in the Muslim East (Afghanistan, Iran, Pakistan, Turkey, ethnic Kurdistan, neighboring Muslim regions).* – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Kraft+, 2014. 608 p. Pp. 544–550. EDN SITCAR. (In Russ.)

9. Oreshkova S. F. Ottoman system of religious societies and its role in the creation of the imperial structure and the fate of non-Turkish peoples of the empire. In: *Russia and the Islamic world: historical*

retrospective and modern trends. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Kraft+, 2010. 480 p. Pp. 436–446. – EDN PUNQPP. (In Russ.)

10. Νανάκης Α. Το Οικουμενικό Πατριαρχείο στην Ύστερη Οθωμανική Αυτοκρατορία: Από τό Γένος και Έθναρχία στό Έθνος / Άνδρέας Νανάκης, Μητροπολίτης Άρκαλοχωρίου, Καστελλίου καί Βιάννου, Καθηγητής Θεολογικής Σχολής Θεσσαλονίκης. – Θεσσαλονίκη, Ελλάδα: Εκδόσεις Μπαρμπουνάκη, 2013. – 428 σ. (In Greek)

11. Cavarnos, C. *The Ecumenical Patriarchate and the Question of Greek-Turkish Relations Through the Centuries* / Constantine Cavarnos. – Etna, California. Center for Traditionalist Orthodox Studies; 2010. – 98 p.

12. Υφαντίδης Ε. Οικουμενικό Πατριαρχείο και Πολιτικές Δυνάμεις: από τη Συνδιάσκεψη της Εκλογή του Πατριάρχη Βασίλειου Γ' / Αρχμ. Ευάγγελος Στ. Υφαντίδης. – Καβάλα, Ελλάδα – Βενετία, Ιταλία: Πατριαρχικόν Ίδρυμα Πατερικών Μελετών, 2014. – 512 σ. (In Greek)

13. Varyash I. I. *Saracens under the rule of the Aragonese kings. Study of the legal space of the 14th century.* – St. Petersburg: EURASIA, 2016. – 390 p. (In Russ.)

14. Fedosov I. V. Changes in the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire in the context of the Tanzimat reforms. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2023;(4):44–49. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-4-44-49. (In Russ.)

15. Inalcık U. *Tanzimat ve Bulgar Meselesi.* Ankara. 1943. 194 s. (In Turkish)

16. Yıldırımer Ş. Mecelle'ye yöneltilen tenkitler ve bu tenkitlerin degerlendirmesi. *C.Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi.* 2012, Cilt: XVI, Sayı:2. Sayfa: 417-445. (In Turkish)

Информация об авторе

И. В. Федосов – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления; старший преподаватель кафедры ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Information about the author

I. V. Fedosov – Senior Lecturer, Department of Theory and History of Law and State, Faculty of Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management; Senior Lecturer, Department of Middle Eastern and African Studies, Institute of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.07.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 02.09.2025.
The article was submitted 26.07.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 02.09.2025.